всем же нравится, но только тихо; которую все же хвалят, но только без восторга; о которой с кротким, приятным движением души говорят: она миловидна!»[26] Самое представление о красоте как бы раздваивается: традиционной «красавице» противостоит героиня нового типа: «милая», вызывающая симпатии. В восприятии прекрасного начинает проявляться личный, субъективный момент, хотя он и не отменяет объективного.

Наблюдая гулянье в Киеве, В. В. Измайлов замечает женщину, отличающуюся красотой: «Вот красавица во всех чертах и во всем стане!» «Но душа, — продолжает писатель, — еще не прикасалась к ея взорам, к ея физиогномии, к ея телодвижению, будто она ожидает чуда Пигмалионовой любви».[27] Здесь же говорится о девушке «не прекрасной, но милой», покоряющей путешественника своей улыбкой.

Подобным образом меняется и характеристика героя. В повести Карамзина «Юлия» князь N*, красавец, «прекрасный собою», оказывается отрицательным персонажем. Его антиподом выступает Арис, о котором говорится: «Не будучи красавцем, он нравился своею миловидностию и кроткими любезными взорами, одушевленными огнем внутреннего чувства».[28]

Своеобразный итог подобных наблюдений подводит А. А. Прокопович-Антонский, опять-таки соотнося свои выводы с теорией Лафатера: «...как красота, так и безобразие физическое весьма много зависит от красоты и безобразия нравственного. Лице есть зеркало души. Не много Лафатеров! Не для многих значительно сие зеркало, не многие способны читать в самых тонких, едва-едва приметных оттенках лица сокровенные свойства души человеческой, между тем как всякой почти легко может различить ощутительные черты добродетели и порока».[29]

Несмотря на полемику с Лафатером, его учение достаточно долго вызывает интерес русских авторов вплоть до Лермонтова, Герцена, Тургенева, Толстого.[30] Но уже писатели XVIII в. стремились преодолеть те искусственные рамки, которыми физиогномика ограничивала процесс художественного творчества. Создание портрета в литературе (как и в изобразительном искусстве) оказывалось все теснее связанным с более глубокими психологическими задачами. Скептическое отношение к системе Лафатера высказывает не один Карамзин. Радищев в «Путешествии

---

[26] В первоначальных вариантах текста вместо слова «милы» было «приятны». См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 61, 416.

[27] Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию. М., 1802, ч. 1, с. 162—163.

[28] Русская сентиментальная повесть. М., 1979, с. 107.

[29] Прокопович-Антонский А. А. Слово о воспитании. М., 1798, с. 14.

[30] См.: Гудзий Н. К. Элементы физиогномики в творчестве Льва Толстого: (Толстой и Лафатер). — В кн.: Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964, с. 354—362.